

РАЗДЕЛ VII. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2)

УДК 821.161.1: 82-141

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_176

А. В. Пономарев¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
PonomarevAV18@mail.com*

ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.: ИМПЕРАТОРСКИЙ МИФ

В статье рассматривается панегирическая поэзия второй половины XVIII века. Главным жанром панегирической поэзии XVIII века была торжественная ода. С середины XVIII века не только значительные государственные события (рождение первенцев в императорской семье, военные победы, тезоименитство, годовщина восшествия на престол царствующей особы), но и сами празднования таких событий (иллюминация, фейерверк) становились предметом од и панегириков. Как декламационный жанр ода мыслилась произносимой (хотя чаще она «подносилась») и подчинялась законам ораторского искусства или «ораторского действия». Изучение панегирической поэзии проливает свет не только на культ русских монархов, но также и на политический менталитет их подданных, поскольку является некритической разновидностью политической литературы.

Хвала правителю в середине XVIII века представлена в разнообразных жанрах (лирике, драме, эпосе, торжественном слове и т. п.). Почти все русские авторы XVIII века старались воспеть императоров и их отпрысков. М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин писали оды, посвященные основным событиям жизни императорских особ, к числу таких фактов можно отнести дни рождения, венчание, восшествие на престол и т. п. Современники поэтов, стараясь угодить властителям, также сочиняли панегирические тексты. Оды выражали тот *furore poeticus*, который охватывал лирического субъекта перед

¹ Пономарев Андрей Викторович – аспирант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

лицом августейшего адресата, поэтому Ломоносова называли «российским Пиндаром».

В рамках данного исследования акцент сделан на произведениях словесности, посвященных императорской фамилии, в частности рождению наследника престола, при этом учитывается не только панегирическая традиция, но и материал неофициальной и бытовой словесности, проясняющий живое отношение современников.

Ключевые слова: поэзия, XVIII век, мифоистория, панегирики, ода

Главным жанром панегирической поэзии XVIII века была торжественная ода. С середины XVIII века не только значительные государственные события (военная победа, тезоименитство, годовщина восшествия на престол царствующей особы), но и сами празднования таких событий (иллюминация, фейерверк) становились предметом од и панегириков. Как декламационный жанр ода мыслилась произносимой (хотя чаще она «подносилась») и подчинялась законам ораторского искусства или «ораторского действия» [14, 230]. Не менее существенную роль «витийственное» начало играло в церковном или духовном красноречии: проповедь – речь к народу и перед народом, названия других жанров – речь и слово – говорят сами за себя (различия между ними зависели от объема сочинения и повода, по какому оно произносилось). Как и в оде, источник духовного красноречия заключался во «внутреннем одушевлении человека» [11, 13], слово мыслилось действием в борьбе – против порока или греха за спасение души, а проповедник – «воином срьд мирной брани» [7, 163].

Перед проповедником XVIII века стояли три основных задачи, определенные еще античными риториками: «учить, нравиться, трогать» (духовное красноречие сложилось в Римской империи из философской проповеди или речи). Для того чтобы «учить» надлежало стремиться к психологическому воздействию на слушателя; чтобы «нравиться» – сделать свою речь изящной и выразительной; чтобы «трогать» – самому исполниться «одушевления и увлечения» [11, 17].

Петровские церковные реформы привели к превращению церкви в политический институт. Правительственные начинания получали одобрение на церковной кафедре (показательны слова Анастасия Братановского: «Любовь к Государству есть <...> любовь к Богу») [11, 17]. Поскольку правящая династия была переведена в разряд божественной и включала в себя столько богов/полубогов, сколько было членов царствующего дома, то дни их рождения,

тезоименитства, восшествия на престол, коронации сделались не только гражданскими, но и церковными праздниками, «отмечаемыми торжественным молебном и обычно проповедью <...> Таким образом появляется понятие «высокоторжественных дней», которые “с их пышностью и награждениями складываются в особую систему религиозного почитания царя и царского дома”» [4, 118].

Духовные сочинения, написанные по случаю чествования императора или военной победы, были близки к так называемому парадному красноречию, похвальным и благодарственным словам. Если проповедь произносилась духовным лицом, речь или слово могли принадлежать как церковному, так и светскому автору (однако «похвальное слово» – только светскому).

Отметим, что во второй половине XVIII века складывается новый тип русского духовенства, в семинариях преподается французский язык, появляются проповеди, написанные по-русски. И это тоже несомненно способствовало сближению духовной и светской литературы.

Существуя в единой системе словесности и имея сходную «установку» церковное и светское красноречие и панегирическая поэзия естественно обнаруживали общие черты: определенные элементы композиции, стилистические критерии, украшения, барочную игру словами, символику [14, 231].

В произведениях, принадлежащих светскому и духовному красноречию, – скрыто или явно – непременно содержалось поучение. Придворное проповедничество давало возможность напрямую обращаться к императору, его фаворитам и людям, близким ко двору. Восхваляя царя, сочинитель торжественной оды одновременно стремился и наставлять его в любви к своим подданным, в милосердии и т. п., и поэты, как известно, широко пользовались этой возможностью [3, 219] (плоды их поучений – иное дело).

На протяжении всего XVIII века апологетика была частью «придворного и правительственного этикета». Развитие «словесных искусств» в период правления Екатерины выразилось в увеличении панегирических произведений самого разного художественного достоинства; «привычным слухом внимала» она славословию «как выражению обязательного усердия по долгу службы и присяги». Императрица боготворила своего старшего внука Александра и, напротив, недолюбливала своего сына Павла. Двор и придворные поэты, чтобы сделать ей приятное, расточали похвалы ее внуку, стараясь особо не упоминать в стихах сына. Александр представлялся современникам отсветом сияния Мудрости и Милости на троне –

«самой дивной женщины всех времен» [6, 295]. Когда в царствование Павла I воспевание Екатерины стало неуместным, значительно сократилось и число панегириков Александру Павловичу. По восшествии же на престол в марте 1801 года он вновь стал главным адресатом и героем панегирической литературы.

В честь рождения наследников стихотворцы старались как можно скорее выразить свое почтение императорской фамилии. Так, в честь рождения Павла Петровича М. В. Ломоносовым была написана «Ода на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года».

Надежда наша совершилась,
И слава в путь свой устремилась.
Спеши, спеши, о муза, вслед
И, лиру согласив с трубою,
Греми, что вышнего рукою
Обрадован российский свет!
На глас себя он наш склоняет,
На жар, что в искренних сердцах:
Петрова первенца лобзает
Елисавета на руках [8].

Рождение Александра, внука Екатерины, так же не осталось в стороне и было ознаменовано «поднятием Императорского Штандарта на Санктпетбургской крепости и пальбою из 201 пушки с обеих крепостей», по всему государству были разосланы «Штафеты и курьеры» [13, 90]. «Есть ли, чем чувствительнее долговременное лишение и недостаток какого-либо блага, чем горячее желание одного и чем нетерпеливее ожидание, тем приятнее получение недостающего, тем радостнее исполнение желаемого и тем утешительнее пришествие ожидаемого быть долженствует: то, что может сравниться с чувствуемым нами <...> удовольствием, веселием и радостью о торжествуемом ныне всевожденнейшем рождении Его Императорского Высочества Благоверного Государя Великого Князя Александра Павловича?» (А. Барсов) [1, 3].

В письме к отцу от 14 декабря 1777 года М. Н. Муравьева четко прослеживается отношение современников к данному событию: «Имею честь поздравить с общею радостью нашего отечества, с рождением сына Александра великому князю <...> В четыре часа [12 декабря] был я уже у Зорича. Видна была радость на лице его <...> он не позабывает бедных и говорит, чтоб народ чувствовал эту радость, должно ему напомнить милостями» [12, 326–327].

Если в вышеприведенных словах Муравьева 12 декабря названо днем «рождения сына Александра великому князю», то в панегириках это событие в первую очередь осмыслялось как появление долгожданного наследника, которого Павел и Мария получили в качестве Божьего дара именно Екатерине:

Се ветвь от корени Петрова, Се Павла и Марии плод,
С возвратом солнца в север, ныне Ниспослан в дар Екатерине.
(В.Майков) [9, 155].

В произведениях по случаю рождения Павла присутствовало обязательное восхваление Елизаветы Петровны, также как и в произведениях, написанных по случаю рождения Александра выражалось восхищение Екатериной II. Это было естественно, поскольку обе являлись на момент рождения наследников царствующими императрицами, и всё «усердие клакеров» направлялось на них [6, 295].

Общим местом также стало обыгрывание имени новорожденных. Например, наречение ребенка представлялось провиденциальным – на память приходили, прежде всего, судьбы героев: Апостола Павла, Александра Невского, покровителя Петербурга, и великого полководца и завоевателя Александра Македонского. Например, в большинстве «александровских» од 1777–1779 годов (В. Петрова, М. Хераскова, В. Майкова, М.Гумилевского, Е. Кострова и др.) одноименные герои противопоставлялись как мир войне, а обстоятельства их жизни и особенности характера в свою очередь сближались или разводились с будущей участью новорожденного.

Се новый Александр родился, И берег Невский
возгордился, Что Россия Минервы Внук Умножит древней славы
звук <...> [15, 128].

Сочинители, включающиеся в торжество по случаю рождения наследника, не могли избежать космогонического мифотворчества, столь свойственного панегирической традиции. При этом если данное ему имя воспринималось как знак мирного царствования будущего монарха.

О ты, цветущая отрада,
О верность чаяний моих,
Тебя родила мне Паллада
Для продолженья дней златых;
О плод божественных крови,

Расти, крепись в ее любви,
Вослед трудов ее взирай,
Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу
Ее примерам подражай [8].

Отмечалось в панегириках и благоприятное расположение планет. Так, в одах Майкова и Хераскова судьба новорожденного прочитывалась по знакам зодиака, которые предвещали, «<...> Что счастлив будет человек, Как днесь, во времена и оны» [9, 156].

Еще более значительным представлялось совпадение дня рождения великого князя Александра с солнцеворотом – временем, когда солнце начинает возвращаться в северное полушарие или «оборачивается на весну», а день соответственно удлиняется. Тема эта отразилась в содержании многих панегирических произведений того времени, в том числе знаменитого стихотворения Г.Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779).

Используя архаическое представление о паре как о солнце, сочинители уподобляли новорожденного новому светилу на небосклоне, на котором к тому времени уже сияли Екатерина, Павел и его жена Мария.

Теперь четвертое светило Тебя, Россия, озарило: Ликуй, щастливая страна! Светлее солнце воссияло; Оно в пути полденном стало, Возвеселилася луна (Херасков) [15, 125].

С первых дней жизни будущих императоров складывалась легенда, традиционно сопровождавшая лиц царствующего дома, в которую как одна из составляющих входило воскрешение Петра Великого в его потомках:

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает,
Что в правнуче своем дышает
И род в нем восставляет свой.
Мы долго обоих желали!
Лишались долго обоих!
Но к общей радости прияли,
О небо, от щедрот твоих! [8].

Другой тенденцией, проявившейся с первых панегириков Павлу и Александру, было зачисление их в боги или полубоги. Поскольку

к концу XVIII века наименование членов царствующего дома богами становится своего рода штампом.

Там вокруг облег Дракон ужасный
Места святы, места прекрасны
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран [8].

Часто будущих наследников сравнивали с ангелами, посланниками небес, посредниками между Богом и людьми. Например: «Он ангел лепостью земной!» (М. Гумилевский).

Интересна символика, которая использовалась в панегириках новорожденным младенцам императорской четы. Судить о том можно по описанию торжества, состоявшегося в русском посольстве в одной из европейских стран в декабре 1777 года, в год рождения Александра: «Въезд в Посольский дом представлял торжественные Врата, по древнему вкусу. На вратах сих сооружена была четвероугольная башня, на вершине которой утвержден был Земной Глобус <...> На Глобусе видны были в прозрачном окне двенадцать знаков Зодиака. Над Знаком Декабря месяца, в котором родился Государь Великий Князь Александр Павлович, была прозрачною живописью Юнона Лусина (богиня родов), увенчающая Любовь Супружественную <...> На другой противной стороне Башни, к Посольскому дому, виден был на Картинае такой же величины Ангел Хранитель России. Он держал, над Вензловым Именем Новорожденного Великого Князя, Императорскую Корону, и показывал, оное щитом своим. Жезл Ескулапов, представленный в стороне, изображал желание Российского народа о сохранении здоровья Новорожденного Великого Князя, при том Гении в группе, украшая Вензловое Имя цветами, свидетельствовали общую радость, произведенную его рождением. Внизу была следующая надпись: *Spes Patriae*, то есть: Надежда Отечества <...>» [2].

В России после многочисленных переворотов и заговоров была особенно сильна боязнь нарушения преемственности власти, междуцарствия. Рождение Павла, а после и Александра, двух долгожданных наследников – в панегириках, посвященных этим

событиям, осмыслялось как исполнение «сердечных желаний» «страны Российской», «залог» Божьего попечения о ней и народе. Поскольку главным героем хвалебных жанров тогда были царствующие императрицы, появление Павла было единодушно воспринято сочинителями как дар «Небес» Елизавете, а появление Александра, как дар Екатерине, поприще их будущих забот, их продолжение.

Таким образом, большинство поэтов второй половины XVIII века старались воспеть императоров и их отпрысков, создавая культ русских монархов, влияя и формируя политический менталитет подданных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов А. Слово на рождение Его Императорского Высочества... Великого Князя Александра Павловича, говоренное... Генваря 23 дня 1778 года. Москва: Имп. Моск. ун.-т., 1778. 24 с.
2. Выписки из описания празднества по случаю рождения Великого Князя Александра Павловича в Посольском доме. 1777 г. (список XIX в.). ОР РГБ. Ф. 233. К. 13. Ед.хр. Э. 1.1.
3. Державин Г. Р. Сочинения Державина: в 7 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. 2-е акад. изд. (без рис.). Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1868–1878.
4. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. Москва: Наука, 1987. 256 с.
5. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (дата обращения: 17.12.2020).
6. Ключевский В. О. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Исторические портреты. Москва: Правда, 1990. 580 с.
7. Костров Е. Собрание сочинений [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/ (дата обращения: 12.11.2020).
8. Ломоносов М. В. Ода на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года [Электронный ресурс] // Оды. Список. URL: <https://rustih.ru/mixail-lomonosov-oda-na-rozhdenie-gosudarya-velikago/> (дата обращения: 23.12.2020).

9. Майков В. «Ода на рождение Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Павловича...» (1777). Москва: Унив. Тип., 1777.
10. Мемуары графини Головиной (1766–1821) // Исторический вестник. 1911. № 10. 412 с.
11. Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И. И. Горбунова, 1906. 304 с.
12. Письма русских писателей XVIII века. Ленинград: Наука, 1980. 471 с.
13. Санктпетербургский Вестник. Санкт-Петербург. Ч. 1., Январь, 1778.
14. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 227–252.
15. Херасков М. «Ода на всерадостное рождение Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Павловича...» [Электронный ресурс]. URL: <http://heraskov.lit-info.ru/heraskov/stihi/stih-60.htm> (дата обращения: 03.11.2020)

REFERENCES

1. Barsov A. Slovo na rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva... Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha, govorennoe... Genvarja 23 dnja 1778 goda [Word for the birth of his imperial highness ... The Grand Duke Alexander Pavlovich, a prisoner ... Genwar for 23 days 1778]. Moscow: Imp. Mosk.un.-t., 1778. 24 p.
2. Vypiski iz opisanija prazdnestva po sluchaju rozhdenija Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha v Posol'skom dome. 1777 g. (spisok XIX v.) [Extracts from the description of the festival on the occasion of the birth of the Grand Duke Alexander Pavlovich in the Embassy House. 1777 (List of XX century)]. OR RGB. F.233. K. 13. Ed.hr.Je.1.1.
3. Derzhavin G. R. Sochinenija Derzhavina: v 7 vol. [Derzhavin's works: in 7 volumes.] / s objasn. primech. [i predisl.] Ja. Grot. – 2-e akad. izd. (bez ris.). Saint Petersburg.: tip. Imp. Akad. Nauk, 1868–1878.
4. Zhivov V. M., Uspenskij B. A. Car' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii [King and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia] // Jazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Cultural languages and problems of translatability]. Moscow: Nauka, 1987. 256 p.
5. Klejn I. Pohvala vlastitelju: Panegiricheskaja poezija i russkij absoljutizm [Praise to the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism] // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies.

2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (accessed: 17.12.2020).

6. Kljuchevskij V.O. Imperatrica Ekaterina II (1729–1796) [Catherine II (1729–1796)] // *Istoricheskie portrety* [Historical portraits]. Moskva: Pravda, 1990. 580 p.

7. Kostrov E. *Sobranie sochinenij* [] [Elektronnyj resurs] http://az.lib.ru/k/kostrow_ermil_iwanowich/ (accessed: 12.11.2020).

8. Lomonosov M.V. Oda na rozhdenie Gosudarja Velikago Knjazja Pavla Petrovicha Sentjabrja 20 1754 goda [Ode to the birth of the Sovereign Grand Duke Pavel Petrovich September 20, 1754] [Elektronnyj resurs] // *Ody. Spisok* [Odes. List]. URL: <https://rustih.ru/mixail-lomonosov-oda-na-rozhdenie-gosudarya-velikago/> (accessed 23.12.2020).

9. Majkov V. «Oda na rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha...» (1777) [Ode on the birth of his imperial highness of the Grand Duke Alexander Pavlovich ...] (1777) Moscow: Univ. Tip., 1777.

10. Memuary grafini Golovinoj (1766–1821) [Memories Countess Golovina (1766–1821)] // *Istoricheskij vestnik* [Historic Bulletin]. 1911. № 10. 412 c.

11. Pevnickij V. F. *Cerkovnoe krasnorechie i ego osnovnye zakony* [Church eloquence and its basic laws]. Kiev: Tipografija I. I. Gorbunova, 1906. 304 p.

12. *Pis'ma russkih pisatelej XVIII veka* [Letters of Russian writers of the XVIII century]. Leningrad: Nauka, 1980. 471 p.

13. *Sanktpeterburgskij Vestnik* [Saint-Petersburg Bulletin]. Saint Petersburg. Ch.1., Janvar', 1778.

14. Tynjanov Ju. N. Oda kak oratorskij zhanr [Oda as the oratorical genre] // *Istorija literatury. Kino* [Literary history. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. P. 227–252.

15. Heraskov M. «Oda na vseradostnoe rozhdenie Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knjazja Aleksandra Pavlovicha...» [Oda for the whole birth of his imperial Highness of the Grand Duke Alexander Pavlovich ...] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://heraskov.lit-info.ru/heraskov/stihi/stih-60.htm> (accessed: 03.11.2020)

THE XVIII CENTURY: IMPERIAL MYTH

Andrey V. Ponomarev

Postgraduate student Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article considers the panegyric poetry of the second half of the XVIII century. The main genome of the panegyric poetry of the XVIII century was a solemn ode. From the middle of the XVIII century, not only significant state events (the birth of the firstborn in the imperial family, military victories, name days, the anniversary of the accession to the throne of the reigning person), but also the celebrations of such events (illumination, fireworks) became the subject of odes and panegyrics. As the declamation genre of the ode was thought to be pronounced (although more often it was "presented") and followed the rules of oratory or "oratory action". The study of panegyric poetry sheds light not only to the cult of Russian monarchs, but also on the political mentality of their subjects, since it is a non-critical variety of political literature.

As a part of this study, the emphasis was made on the works of literature dedicated to the imperial family, in particular the birth of the heir to the throne, while taking into account not only the panegyric tradition, but also the material of the informal and everyday literature, clarifying the living attitude of contemporaries.

Keywords: poetry, XVIII century, mythoistore, panegyrics, ode

Для цитирования: Пономарев А. В. Панегирическая поэзия второй половины XVIII в.: императорский миф // Libri Magistri. 2021. №1 (15). С. 176–186.

Поступила в редакцию 12.01.2021